

СИМВОЛИКА ЧАЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»**В. В. Королева, Ю. С. Хворостянная***Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация*

В статье исследуется многогранный символический образ чая в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», анализируются его функции. Утверждается, что образ чая играет важную роль в раскрытии идейного содержания и поэтики произведения, раскрывает характер персонажей, а также транслирует авторскую оценку. В основе методологии лежит комплексный анализ текста романа с привлечением работ литературоведов (И. В. Бурдин), философских концепций (Вяч. Иванов), а также историко-культурного контекста (словарь В. И. Даля, пословицы) и автобиографических материалов писателя.

В результате исследования выявлены ключевые функции символа чая: коммуникативная («приглашение к беседе»), характерологическая (индикатор напряженных отношений между героями, маркер их нравственного состояния), сюжетообразующая и мировоззренческая. Особое внимание уделяется тому, как температура напитка («горячий», «теплый», «холодный») становится своеобразным ключом к пониманию внутреннего мира персонажей, их душевного холода или духовного горения; проводятся параллели с библейской символикой (отвержение «теплого»). Делается вывод, что чай в «Бесах» – сложный полифункциональный символ, актуализирующий важнейшие мотивы романа: соблазна, пустоты, ложного единения и трагического распада связей. Предложенный в статье вектор анализа позволяет по-новому взглянуть на эволюцию символов в позднем творчестве Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», символ, чай, поэтика, художественная деталь, Кириллов, Ставрогин, интерпретация, мотив.

Введение

Современники Ф. М. Достоевского нередко критиковали его за идеализм и фантастичность текстов. На сегодняшний день в академической среде произведения писателя не определяют как чисто реалистические, появляется больше исследований, направленных на изучение символической составляющей романов. Роман Достоевского «Бесы» активно изучается, большое количество исследователей обращается к символизму романов классика, зачастую останавливаясь на их религиозной основе. Однако недостаточно изученными остаются символы вещественного мира, которые играют немаловажную роль в произведении. Поэтому в данном исследовании мы обратимся к символике чая, рассмотрим его функции в «Бесах».

Обзор литературы

В современном литературоведении символика романов Ф. М. Достоевского активно изучается. Уже в начале XX века Вячеслав Иванов [1] называет реализм Достоевского «онтологическим», проникающим «в чужое я», в другую, но существующую реальность, то есть реализмом, воспроизводящим внутренний мир через внешние события. В книге Вяч. Иванова «Достоевский: трагедия – миф – мистика» [1] можем найти определение «символический» реализм, понятие, отталкивающееся от определения самого классика: «реализм в высшем смысле». Р. Л. Шараков [2] исследует символы в романе «Бесы», анализируя символику самозванства, апокалиптическую образность. Шараков строит свое исследование, связывая поэтику Достоевского со средневековой

трактовкой символов. К символике романиста обращаются А. Закржевский [3], Л. И. Сараскина [4, 5], Н. О. Булгакова [6], С. М. Телегин [7]. Исследователь С. Л. Шараков [8] также подчёркивает важность не историчности, а вечной истины. У Достоевского герои, символика, по мнению исследователя, соотносятся с вечным, с верой, с истиной, поэтому произведение принимает внеисторическую форму.

Методы исследования

В процессе работы использованы биографический, сравнительный, архетипический, мифопоэтический подходы в анализе художественного произведения.

Результаты и дискуссия:

Значение символа «чай» глубоко уходит в историю русской литературы. Являясь выражением добродушия, отзывчивости, чай используется Гоголем. И. В. Бурдин [9] отмечает, что напиток в произведениях классика вписывается не только в экономический и гастрономический аспект, но и в сам сюжет. Исследователь приходит к выводу: «Ключевыми репрезентациями концепта в поэме являются следующие: «чай как элемент гостеприимства», «чай как атрибут дружеского общения», «чай как товар», «чай как элемент роскоши», «чай как часть алкогольной культуры». Чаепитие характеризует героев поэмы, атрибуты чайной трапезы становятся яркими деталями, иллюстрирующими быт того или иного помещика произведения» [9, с. 83]. Бурдин отмечает чай как характеристику быта, соотнося этот символ с мотивом дороги. Последний активно реализуется в романе «Бесы». Бур-

дин обращается к творчеству Достоевского, выделяя в его романах следующие функции чая: «чай как элемент быта», «чай как часть трапезы», «чай как атрибут дружбы и общения», «чай для размышлений», «чай как лекарство и источник силы» [10, с. 85]. С. А. Скуридина [11] также выделяет чаепитие как важный процесс в произведениях Достоевского. Исследователь, рассматривая повесть «Дядюшкин сон», приходит к выводу, что эта гастрономическая деталь не просто создает исторический колорит, но и помогает раскрыть образ персонажей, а также показать авторское отношение к ним.

Обратимся к самой личности автора: чай был важной составляющей быта для Достоевского. В письмах писателя к отцу, которые он писал из училища, автор просит отца о чае и сахаре, считая это необходимыми продуктами: «Это и без того необходимо, и необходимо не из одного приличия, а из нужды» [12]. О любви к этому напитку писала дочь Достоевского, Любовь Федоровна. Она отмечала, что чай был важным элементом быта писателя: «Отец любил сам разливать чай и всегда пил очень крепкий чай. Он выпивал два стакана и брал третий с собой в кабинет, где пил его во время работы небольшими глотками» [13, с. 146]. «Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливал его себе сам» [13, с. 284]. Чай стал необходимой частью существования Достоевского, поэтому он нередко появляется на страницах его произведений (в том числе в романе «Бесы»), зачастую выполняет функцию символа.

Заметим, что символ чая глубоко укоренен в русской культуре, народная мысль связывает его с началом беседы, добродушием, отзывчивостью. Это отражается в лексике. Обратимся к словарю В. Даля [14], чтобы на основе пословиц, поговорок и лексического значения сформировать функцию чая в понимании народа. «Чай – это деревце, чайное дерево или подсушенные листья и его самый настой этих листьев, напиток». В словаре приведены следующие возможные употребления слова: «На Руси еще никто чаем не подавился, когда попадает в чашку стебелек», «Где нам дуракам чай пить», «Вместе чай пить, в трактире купить, продать что, заключить обязательство», «Не просят на водку, а просят на чай» [14, с. 1277]. Итак, чай имеет положительную окраску, подразумевает общение, беседу близких людей, нередко означает заключение обязательств. Даль в словаре приводит пословицы, которые отражают значение чая для народа: «Вышей чайку – забудешь тоску» [14, с. 1277]. Есть пословицы, в которых чай дарит физическую силу: «Чай не пьешь – откуда силу возьмешь?», «Самовар, что море соловецкое. Пьем из него за здоровье молодецкое» [14, с. 1277]. Поэто-

му чай – не только показатель благодушия, но и источник «живой» силы, он обладает излечивающей функцией, помогает и душе, и телу. Чай по Далю выходит за пределы воздействия только на одну личность, приобретает масштабы влияния на целую нацию. поэтому зачастую в пословицах используется обобщение «Русь»: «Чаем на Руси никто не подавился» [14, с. 1277]. Таким образом, в народном сознании церемония чаепития представлялась как интимный, дружеский процесс, приносящий духовное равновесие и физическое здоровье.

Чай на страницах романа «Бесы» выполняет функцию символа, играет важную роль в раскрытии как образов персонажей, так и сюжета в целом. Герои романа пьют чай и предлагают его другим персонажам. Напиток подается в разном состоянии: теплом, горячем и холодном, а также в разное время суток: днем или ночью, что, несомненно, играет свою роль в трактовке тех или иных событий и персонажей.

Впервые напиток упоминается в первой главе. В этой сцене Дарья Павловна, недавно вернувшаяся из Швейцарии, разливает чай себе и Варваре Петровне. Ставрогина находится в смятении из-за слухов и анонимных писем, в которых Дарью обвиняют в тайных связях со Ставрогиным, сыном генеральши: «Утром, когда Дарья Павловна за чайным столиком разливала чай, Варвара Петровна долго и пристально в нее всматривалась и, может быть в двадцатый раз со вчерашнего дня, с уверенностью произнесла про себя: – Все вздор!» [15, с. 77]. В этом фрагменте чай на первый взгляд может являться просто деталью быта, однако отметим, что чай указывает на начало беседы, на важные сюжетные перипетии. За чаем последует разговор о женитьбе Степана Трофимовича на Дарье Павловне, возможная помолвка стала причиной ссоры Ставрогиной и Верховенского. Позже, в этой же главе, разговаривая со Степаном Трофимовичем, Варвара Петровна просит его устроить «вечерний чай» [15, с. 88], чтобы на нем официально сделать предложение Шатовой. Таким образом, чай нередко сопровождает важные сюжетные повороты, раскрывая при этом отношения героев друг к другу (Варвара Петровна убеждается в невинности Даши, устраивает женитьбу Степана Трофимовича).

Отметим, что чай реализует мотив беседы, крайне важный для идеологических романов автора – через диалог, монолог герои сообщают читателю основы личной идеологии. Чай обладает символикой добродушия, люди приглашают к нему, показывая свое расположение. То, что Дарья Павловна разливает чай, подчеркивает положительные черты героини: именно в этой сцене Варвара Петровна убеждается, что слухи о Даше (об украденных деньгах и связи с ее сыном) не могут быть правдой. Таким образом, чай «разоб-

лачает» персонажей – подчёркивает положительные или отрицательные стороны.

Символ чая в «Бесах» связан с фигурой Кириллова Алексея Нилыча. «Я чай люблю...ночью; много, хожу и пью; до рассвета. За границей чай неудобно» [15, с. 77], – говорит о себе герой. Как и многими персонажами Достоевского, Кирилловым владеет идея: он размышляет на тему человека: «Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог» [15, с. 124]. Сделаться Творцом Кириллов надеется через самоубийство: «Кто смеет себя убить, тот Бог» [15, с. 124]. Об этом Кириллов размышляет ночами, поэтому это время суток для него – время размышлений, чай сопровождает этот процесс.

Примечательно, что «исповедь» персонажа, в которой он делится своим мировоззрением, в том числе упоминание о его любви к чаю, происходит во время второй встречи рассказчика и Алексея Нилыча, но не при первом знакомстве, в котором участвовал один из главных сплетников города Липутин. Автором описано, как Кириллов пил чай: «Баба скоро внесла чай, то есть большущий чайник горячей воды, маленький чайник с обильно заваренным чаем, две большие каменные, грубо разрисованные чашки, калач и целую глубокую тарелку колотого сахара» [15, с. 124].

Обратим внимание на отношение рассказчика к предложению Кириллова выпить чай. Он от него не отказывается, за этим следует интимная, близкая беседа еще мало знакомых людей. В этой сцене чай – особая степень сближения. На следующий день рассказчик посещает Шатова и, говоря о Кириллове, замечает: «Я у этого Алексея Нилыча вчера чай пил...» [15, с. 144]. Но фраза обозначает гораздо больше: он не просто пил чай, а знакомился с героем, его идеологией и личной трагедией. Он замечает в конце фразы: «Он, кажется, помешан на атеизме» [15, с. 144]. Чай – это символ беседы, в которой герой раскрывается для читателя.

Кириллова посещает Николай Ставрогин – центр романских конфликтов. Их встреча происходит в главе «Ночь», в той же квартире Кириллова. Описывая комнату, автор упоминает: «Сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, светил свет и слышался смех...» [15, с. 233]. Автор подчеркивает важность процесса в жизни героя, его фантастические размышления на страницах романа часто связаны с чаем. Опираясь на народные представления о чае, можем характеризовать героя как открытого к диалогу, отзывчивого, сопереживающего персонажа (для тех, кому он предлагает чай, напиток – своеобразное приглашение к беседе). Пристрастие к чаю, подчёркивающее связь Кириллова с этим миром, со счастливыми минутами жизни его и окружающих, выводит на первый план противоречивость его натуры: Алексей Нилыч испытывает радость жизни, он здоров и мо-

лод, однако «испорчен» идеей самоубийства, противоречащей религиозной философии Достоевского. Символ чая подчеркивает душевные разломы героя.

Символ чая играет важную роль в раскрытии образа Ставрогина: «Николай Всеволодович пошел на свет, но, не выходя, остановился на пороге. Чай был на столе» [15, с. 233]. Упоминание напитка, соседствующее с сообщением о вошедшем Ставрогине, намекает читателю на дальнейший диалог героев. Учитывая интерпретацию символики чая, очерченную выше, можем говорить о предпосылке к близкой, идеологической беседе Кириллова и гостя. Отметим, что на предложение Кириллова выпить чай Николай Всеволодович отвечает: «Очень не откажусь, если теплый» [15, с. 234]. К трактовке определения «теплый» в рамках характера Ставрогина обращались многие исследователи, сводившие его этимологию к внутреннему состоянию героя: он не горяч, не холоден – тепел. То есть находится посередине, не представляет собой нечто определенное, а только размытость, неоформленность. Это же можем подметить в этом фрагменте текста. Кириллов отвечает: «Теплый, горячий даже» [15, с. 234]. Расценивая состояние чая как характеристику героя, можем трактовать слова Алексея как отношение к Ставрогину: в его понимании он «горячий» – то есть носитель определенных идей, как мы узнаем позже, близких Кириллову. Оперирование определениями «горячий», «холодный», «теплый» приводит нас к словам из Священного Писания, Откровения Иоанна Богослова – «Апокалипсиса», семантикой которого пронизан роман: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение ап. Иоанна Богослова, Глава 3, стих 15). Этот фрагмент из Библии много позже читает умирающему Степану Трофимовичу Софья Матвеевна, как бы проводя параллельные линии между героями и подводя итог их характеристике.

Иоанн Кронштадтский так трактует этот фрагмент Священного Писания: «Надобно, чтобы я был чем-нибудь определенным, а не тем, что называется хаосом, смесью, брожением, в котором все кое-как перемешано и бродит в беспорядке. Чего ожидать доброго от человека, который душою своей представляет беспорядочную смесь доброго с худым, который делает частью добро, но не прочь и от зла... Люди представляются как бы заключенными в Боге, Который одних вмещает в Себя, а других извергает из Себя. Праведники действительно некогда будут жить в Боге...» [16, с. 287]. Так теплый чай обнажает в Ставрогине принадлежность и к добру, и к злу. Его мировоззрение разделяет Кириллов, ведь он поглощен идеями Николая Всеволодовича, которые тот толковал ему за границей. Однако теперь Ставро-

гин поменял свои убеждения, стремлений Кириллова он не разделяет. Действие происходит в главе «Ночь», когда Ставрогин находится в поисках выхода, разрешения своих душевных мук. Но символ чая показывает, что он не сможет прийти к покаянию: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение ап. Иоанна Богослова, Глава 3, стих 15). Отметим, что Николай Всеволодович сам о себе такого мнения. Иван Шатов в горячке задает Ставрогину вопросы о его прошлой жизни: «Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастною, зверскою шуткой и каким угодно подвигом... Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения?» [15, с. 254]. Для героя нет граней добра и зла, все сливается в единственное желание удовольствия. Поэтому емким эпитетом для него будет «теплый».

Для Кириллова чай представляется лекарственным средством: он помогает думать, общаться с другими людьми. Беседуя со Ставрогиным после дуэли, Алексей говорит: «...вы не сильный человек. Приходите пить чай» [15, с. 287]. Последняя фраза может звучать как простое приглашение зайти в гости, но соседство предложений намекает на возможность развития ставрогинского характера: пить чай и сделаться «сильным», «горячим», но не в физическом, а духовном плане. Здесь чай выступает в качестве целительной силы, раскрывающейся через беседу, которая может помочь герою стать «сильнее».

В доме, где остановились Лебядкин и его сестра, капитан предлагает Ставрогину, пришедшему в ту же ночь, выпить чаю: «Не угодно ли будет чаю?» [15, с. 261]. Однако герой отказывается. Он не готов продолжать беседу с Лебядкиным, напиток выражает отношения между героями: Ставрогин разочарован, не заинтересован в разговоре с братом своей супруги. «Самовар кипел с восьмого часу, но...потух...как и все в мире» [15, с. 261], – говорит капитан. Самовар выступает символическим образом со схожей семантикой. Он ассоциируется с образом дома, семьи, а значит, тепла и добра. Однако он потух к приходу Ставрогина, и здесь же можно заметить, что «как и все рядом с ним», потому что герой разрушает окружающих: мысли Кириллова, Шатова, Верховенского младшего, усугубляет помешательство Хромоножки.

Символ чая помогает раскрыть мотив пути, сопровождая героя в дороге. В главе «Ночь» Ставрогин переходит из дома в дом, пьет чай у Кириллова, посещает Шатова, отказывается от чая у Лебядкина. Несмотря на то что у Кириллова Ставрогин обсуждал будущую дуэль – это была самая приятная из всех встреч той ночью. Они беседовали с Кириловым без споров, разговором заинтересованы обе стороны. И чай являлся символом

скрепления их планов. Николай Всеволодович доверял Алексею, он был одним из немногих, кто знал о его браке. Шатова Ставрогин предупредил о возможном убийстве Ивана, а также имел с ним неприятный разговор о прошлых мыслях Николая. У Лебядкина же разговор шел о жизни, ее продолжении – объявлении всем о настоящей жене героя. Таким образом, он словно проходит путь от смерти (дуэль) до жизни. Однако по существу все наоборот – для Ставрогина объявление о браке, вероятно, хуже смерти, это испытание душевных сил, возможность принять насмешки, раскаться, а дуэль – привычное дело, риск смерти его не пугал. И то, что Ставрогин пьет чай только у Кириллова, подтверждает эту мысль. Смирение и раскаяние – недоступные для него чувства, он к ним не готов. Поэтому обсуждение дуэли и разговор с самоубийцей для него привычнее, легче.

Дом Филиппова, где квартируют Кириллов и Шатов, часто становится местом конфликтов и различных идеологических бесед. Как было сказано ранее, чай – индикатор отношения Кириллова к остальным персонажам. Если мы будем учитывать позицию самого Достоевского к чаю – то есть его любовь – то можем предположить, что в этом реализуется авторская оценка. Когда Петр Степанович в главе «Перед праздником» в хлопотах забегал к Кириллову, «на столе лежал неприбранный утренний чай, уже холодный» [15, с. 363]. Таким образом характеризуется и разговор молодых людей – беседа пойдет о низменных вещах – планах Верховенского на самоубийство Кириллова. Алексей предлагает ему чай, только когда тот «действительно схватился было за чайник и искал порожней посуды» [15, с. 365]. Если с рассказчиком герой пил чай из каменных чашек, с Верховенским они пьют из обычных стаканов, что выступает показателем отношения Кириллова к Петру Степановичу. Для рассказчика Алексей Нилыч достал каменные чашки, но Верховенский пьет из простых стаканов. Отметим, что Верховенский пьет холодный чай. Кириллов упоминает и о том, что с Федором (каторжным) читает по ночам Апокалипсис «и чай», что также характеризует убийцу и грабителя как человека с более положительными качествами, чем у Петра Степановича. Кириллов говорит герою: «Пейте. Холодный чай хорошо» [15, с. 365]. Если Ставрогин просил себе «теплый» чай, о характеристике чего говорилось выше, Верховенский становится на другую от Кириллова сторону восприятия мира. Их стремления и идеалы противоположны.

Когда Петр Степанович приходит к Кириллову вместе с Липутиным, чтобы пятерка удостоверилась в надежности плана по убийству Шатова, Алексей Нилыч снова не предлагает ему чай первым, об этом просит сам Петруша: «А я бы не прочь и чаю» [15, с. 543]. Когда Кириллов предлагает чай и спутнику Верховенского, Липутин отка-

зывается: «Я у них не стану-с» [15, с. 543]. Таким образом, чай усиливает осуждение Липутиным дальнейшего плана Кириллова, хотя он, как будущий убийца, и готов «на все ради общего дела».

В главе «Наши», когда Ставрогин и Верховенский приходят к Виргинскому, хозяйка сразу спрашивает: «Ставрогин, будете чаю?» [15, с. 378]. Отметим, что сначала Виргинская обращается к Николаю Всеволодовичу, только потом к Верховенскому – так подчеркивается роль Ставрогина, на него все смотрят, как на солнце. На предложение выпить чай Петр Степанович отвечает: «Давайте, конечно, кто ж об этом гостей спрашивает? Да дайте сливок, у вас всегда такую мерзость дают вместо чаю...» [15, с. 378]. Характеристика подчеркивает настроение Петра Степановича, пришедшего играть роль предводителя революционного движения, то есть раздраженного и много требующего от собравшихся молодого человека. Однако можем трактовать символ как индикатор общества: если чай – двигатель беседы, по народным представлениям, символ добродушия, то именно «мерзостью» характеризуются все собравшиеся и предмет их беседы. Таким образом, чай, упоминающийся перед разговором, снова задает тон будущим сказанным словам и мыслям. Пришедший на собрание к «нашим» Шатов от чая отказался. Напиток снова выступает индикатором отношения персонажей друг к другу: Иван надеется поскорее от них отъединиться и разойтись с обществом, поэтому и чай у них не пьет.

Отношение Кириллова к Шатову проявляется в сцене с приездом жены Ивана: он вбегает к Алексею и проси помощи. «...чай горячий. Садитесь и пейте просто», – отвечает Кириллов, узнав о ситуации, добавляя: «А теперь берите со стола чайник. Горячий, самый горячий» [15, с. 547]. Возвращаясь к трактовке определения «горячий», заметим, что прибавляется и наречие «очень» – герой-самоубийца действительно рад приехавшей к Шатову жене. «Очень горячий чай» предназначается семье – важной ценности в жизни, рождение ребенка в этом эпизоде выступает как символ новой жизни.

В последнее посещение Кириллова Верховенским чай на столе оказывается холодным: «А впрочем, и чай холодный, – значит, все вверх дном» [15, с. 584]. Кириллов не пил чай, когда к нему пришел Петруша, скорее всего, не пил его давно, раз он успел остыть – то есть его мысли потеряли прежний ход, чем ближе он двигался к осуществлению своего плана. Он «холодел» и «остывал», поскольку идея его поглощала. Отметим, что Верховенский в этой сцене снова пьет холодный чай. Возвращаясь к библейской трактовке категории «холодный», можем сказать, что температура чая перед самоубийством характеризует Кириллова как человека, которым безвозвратно завладели

«дурные помыслы» в отношении своей жизни, напиток словно выносит герою приговор.

В середине романа молодежь из высшего (городского) света собирается в шумную компанию и устраивает шалости, иногда злые и коварные. Компания веселых, шальных людей отправляется к Степану Яковлевичу, юродивому, который был большим любителем чая, по замечанию рассказчика, ел только картофель в мундире и рыбу, «другого ничего и никогда не вкушал; пил только много чаю...» [15, с. 322]. Его отношение к напитку тесно связано с «пророчествами» и отношением к людям. Некоторых своих гостей он угощал напитком: «...обыкновенно указывая сам, кого из них осчастливить...Наливалось тоже разное, одним внакладку, другим вприкуску, а третьим и вовсе без сахара» [15, с. 323]. В это посещение «осчастливлены были захожий монашек со стаканом внакладку и старичок богомолец, которому дали вовсе без сахара» [15, с. 323]. Из группы молодежи свой стакан внакладку получил Маврикий Николаевич – жених Лизаветы Николаевны, который был осмеян за это. Здесь чай выполняет функцию пророчества. Маврикий за будущие невинные страдания получает стакан внакладку. Своеобразна и авторская позиция – печаль и тоска за героя. Герой предложит руку своей невесты Ставрогину, проведет ночь в саду Скворешников, пока Лизавета Николаевна будет вместе с Николаем Всеволодовичем. Чай в этой сцене – это символ чистоты душевных помыслов Маврикия, отметка положительного персонажа. Символический образ чая актуализирует мотив пророчества, являясь предостережением, предвестником будущих событий.

Выводы

Чай в романе Достоевского «Бесы» выступает как в роли художественной детали, подчеркивая социальную принадлежность героев, так и в качестве символического образа. В последнем случае его роль значительно расширяется. Можем выделить несколько функций чая как символического образа: «чай как приглашение к беседе» – температура напитка характеризует будущий разговор героев; «чай как индикатор отношения к персонажу» – предлагая чай, отказывая в нем, герои формулируют свое отношение к окружающим персонажам, что зачастую выполняет резонерскую функцию; у символа есть жизнестроительная функция – «чай как целительное средство для души и тела», чай выделяет положительные помыслы персонажей (разговоры со Ставрогиным), а также через противопоставление подчеркивает трагедию персонажей (за чаем Кириллов обдумывает свою деструктивную теорию и самоубийство). Отметим, что напиток проясняет раскрытие важных мотивов через напиток – «мотив пути», «мотив противоборства хаосу», мотив исцеления, мотив пророчества.

Литература

1. Иванов, Вяч. Достоевский: трагедия – миф – мистика // Вяч. Иванов // Собрание сочинений : в 4 т. – Брюссель, 1987. – Т. 4. – 517с.
2. Шмараков, Р. Л. Символический подтекст романа Ф. М. Достоевского «Бесы» : дис. ... канд. филол. наук / Р. Л. Шмараков. – М., 1999. – 266с.
3. Закржевский, А. К. Подполье: психологические параллели: Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Михаил Пантюхов / А. К. Закржевский. – Киев : Искусство и печатное дело, 1911. – 108 с.
4. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – М. : Советский писатель, 1990. – 480 с.
5. Сараскина, Л. И. «Бесы», или Русская трагедия «Бесы»: антология русской критики / Л. И. Сараскина. – М. : Согласие. 1996. – 461 с.
6. Булгакова, Н. О. «Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа» / Н. О. Булгакова, О. В. Седелникова // Вестник Томского университета, Филология. – 2018. – № 24. – С. 125–146.
7. Телегин, С. М. Жизнь мифа в художественном мире Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова : дис. ... д-ра филол. наук / С. М. Телегин. – М., 1996. – 427с.
8. Шараков, С. Л. Духовный символизм Достоевского / С. Л. Шараков. – М. : Проспект, 2022. – 460 с.
9. Бурдин, И. В. Концепт «чай» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / И. В. Бурдин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 79–85.
10. Бурдин, И. В. Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома» и романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского / И. В. Бурдин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 81–88.
11. Скуридина, С. А. Гастрономическая деталь в повести «Дядюшкин сон» Ф. М. Достоевского / С. А. Скуридина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2024. – № 3(54). – С. 117–122.
12. Достоевский, Ф. М. Письмо Достоевскому М. А., 10 мая 1839 г. [Рукопись].
13. Достоевская, Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Е. С. Кибардиной ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. – СПб. : Андреев и сыновья, 1992. – 245 с.
14. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 2030 стб.
15. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 704 с.
16. Дневник / св. праведный Иоанн Кронштадтский. Т. 1: 1856. – М. : Булат, 2005. – 294 с. (Духовное наследие Русской православной церкви).

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир), e-mail: queenvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-7608-9772

Хворостянная Юлия Сергеевна – соискатель, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир), e-mail: breadwithpain@yandex.ru. ORCID 0009-0006-8718-4579

Поступила в редакцию 4 июня 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260311

THE SYMBOLISM OF TEA IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL DEMONS

V. V. Koroleva, Y. S. Khvorostyannaya

*Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Vladimir, Russian Federation*

The article examines the multifaceted symbolic representation of tea in F. M. Dostoevsky's novel *Demons*. The authors analyze the functions of this image to state the problem of its role in revealing the ideological content and poetics of the work. The methodology is based on a comprehensive analysis of the text of the novel, involving literary criticism (I. V. Burdin), philosophical thought (V. Solovyov, Viach. Ivanov), as well as historical and cultural contexts (V. I. Dahl's dictionary, folk proverbs) and autobiographical materials. The study employs mythopoetic, biographical, and comparative historical methods.

It reveals the key functions of the tea symbol: communicative (“invitation to conversation”), characterological (indicator of the relationship between the characters), plot-forming, and ideological. The authors focus on how the temperature of the drink (“hot”, “warm”, “cold”) serves as a key to understanding the inner world of the characters, drawing parallels with biblical symbolism. They conclude that tea in *Demons* is a complex, multifunctional symbol that actualizes the essential motives of the novel, such as temptation, emptiness, false unity, and the tragic disintegration of connections. The proposed analytical approach allows for a fresh perspective on the evolution of symbols in Dostoevsky’s later work.

Keywords: Dostoevsky, *Demons*, symbol, tea, poetics, artistic detail, Kirillov, Stavrogin, interpretation, motif.

References

1. Ivanov Viach. Dostoevskii: tragediia – mif – mistika [Dostoevsky: Tragedy – Myth – Mysticism] / Viach. Ivanov // *Sobranie sochinenii*: v 4 t. Brussels, 1987. T. 4. 517 p.
2. Shmarakov R.L. Simvolicheskii podtekst romana F.M. Dostoevskogo “Besy” [The Symbolic Subtext of F. M. Dostoevsky’s Novel “Demons”]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1999. 266 p.
3. Zakrzhevskii A.K. Podpol’e: psikhologicheskie paralleli: Dostoevskii, Leonid Andreev, Fedor Sologub, Lev Shestov, Aleksei Remizov, Mikhail Pantiukhov [The Underground: Psychological Parallels: Dostoevsky, Leonid Andreev, Fyodor Sologub, Lev Shestov, Alexey Remizov, Mikhail Pantyukhov]. Kiev: Art and printing, 1911. 108 p.
4. Saraskina L.I. “Besy”: roman-preduprezhdenie [“Demons”: a warning novel]. Moscow: Soviet Writer, 1990. 480 p.
5. Saraskina L.I. “Besy”, ili Russkaia tragediia “Besy”: antologiiia russkoi kritiki [“The Demons”, or the Russian tragedy “The Demons”: an anthology of Russian criticism]. Moscow: Approval, 1996. 461 p.
6. Bulgakova N.O., Sedel’nikova O.V. Kontseptosfera romana F.M. Dostoevskogo “Besy”: k opredele-niiu bazovogo kontsepta i ego funktsii v poetike romana [The Conceptual Sphere of F.M. Dostoevsky’s Novel “Demons”: Towards the Definition of the Basic Concept and its Function in the Poetics of the Novel] // *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya*. 2018. № 24. P. 125–146.
7. Telegin S.M. Zhizn’ mifa v khudozhestvennom mire F.M. Dostoevskogo i N.S. Leskova [The Life of Myth in the Artistic World of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov]: diss. ... d-ra filol. nauk: Moscow, 1996, 427 p.
8. Sharakov S.L. Dukhovnyi simvolizm Dostoevskogo [The Spiritual Symbolism of Dostoevsky]. Moscow: Prospect, 2022. 460 p.
9. Burdin I.V. Kontsept “chai” v poeme N.V. Gogolia “Mertvye dushi” [The concept of “tea” in N.V. Gogol’s poem “Dead Souls”] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2021. T. 13, № 3. P. 79–85.
10. Burdin I.V. Kontsept “chai” v povesti “Zapiski iz Mertvogo doma” i romane “Prestuplenie i nakazanie” F.M. Dostoevskogo [The Concept of “Tea” in the Story “Notes from the Dead House” and the Novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2021. T. 13, № 2. P. 81–88.
11. Skuridina S.A. Gastronomicheskaiia detal’ v povesti “Diadiushkin son” F.M. Dostoevskogo [Gastro-nomic Detail in the Story “Uncle’s Dream” by F.M. Dostoevsky] // *Aktual’nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. 2024. № 3(54). P. 117–122.
12. Dostoevskii F.M. Pis’mo Dostoevskomu M.A., 10 maia 1839 g. [Letter to Dostoevsky M.A., May 10, 1839]. [Manuscript].
13. Dostoevskaiia L.F. Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri [Dostoevsky as Depicted by His Daughter]; per. s nem. E.S. Kibardinoy; vstup. st., podgot. teksta i primech. S.V. Belova. Saint Petersburg: Andreev and Son’s, 1992. 245 p.
14. Dal’ V.I. Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: v 4 t.; pod red. I. A. Boduena de Kurtene. Reprint. vosproizvedenie izd. 1903–1909 gg. Moscow: Progress, Univers Publ., 1994. 2030 columns.
15. Dostoevskii F.M. Besy [Demons]. Saint Petersburg: Alphabet, Alphabet-Attikus, 2019. 704 p.
16. Ioann Kronshtadtskii, Sv. Dnevnik. T. 1: 1856 [Diary. Vol. 1: 1856]. Moscow: Bulat, 2005. 294 p. (Dukhovnoe nasledie Russkoi pravoslavnoi tserkvi).

Vera V. Koroleva – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Vladimir), e-mail: queenvera@yandex.ru

Yulia S. Khvorostyannaya – Applicant for the Degree of Cand. Sc., Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Vladimir), e-mail: breadwithpain@yandex.ru

Received June 4, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Королева, В. В. Символика чая в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / В. В. Королева, Ю. С. Хворостянная // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 94–101. DOI: 10.14529/ssh260311

FOR CITATION

Koroleva V. V., Khvorostyannaya Y. S. The symbolism of tea in F. M. Dostoevsky's novel *Demons*. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 94–101. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260311